

UDC 94:378(571)"1930/1941"

**History and Historians in the Soviet Political and Ideological Structure
in 1930s – early 1940s (case study: the Siberian Region)**

Dmitry V. Khaminov

National Research Tomsk State University, Russian Federation

PhD (History)

E-mail: khaminov@mail.ru

Abstract. In paper deals with the issues of a place and a role of historical knowledge and historians as a special professional community (university professors, researchers and students of the history departments) in the political and ideological structure of the Soviet state in the 1930s – early 1940s. The article restores politics of Communist Party and Soviet government in relation to historians on the example of a unique Siberian small region. The Author made an attempt, on the basis of party and government documents as well as archive materials, some of which were for the first time introduced in scientific circles, give a balanced assessment of these processes in the conditions of the most tragic and controversial periods in the Russian history.

Keywords: history; historian; ideology; politics; research studies; university; institute; Siberia.

Введение. Историки, являясь носителями и трансляторами особого исторического знания, на протяжении всей новейшей истории, во всех государствах и обществах представляли собой особую научно-педагогическую корпорацию, отличающуюся от представителей иных научно-образовательных сообществ. Эта особенность обуславливалась тем, что история выступала мировоззренческим и культурным ретранслятором, являлась специфической сферой общественных отношений и особым направлением государственной политики, благодаря которой осуществляется преемственность поколений и связь времен, формируется историческое сознание личности, ее гражданская и политическая идентичность, мировоззренческие установки, нравственные ценности и чувство патриотизма (в самом широком понимании этого понятия).

Наиболее ярко эта роль проявлялась в Советской России и, в первую очередь, в наиболее трагический и тяжелый период ее истории – в 1930-х – нач. 1940-х гг. Это был период формирования новой модели государственно-политического и общественного устройства, время внутрипартийной борьбы за власть и борьбы с оппозицией и инакомыслием, временем формирования режима личной власти Сталина, что, в конечном счете, привело к политическим репрессиям втор. пол. 1930-х гг. В эти годы крупнейшие мировые державы оказались втянутыми в глобальные геополитические процессы, которые выливались сначала в потенциальную, а вскоре и в реальную военную угрозу, что также требовало от государств-участников этих отношений превентивных действий в области историко-идеологического воспитания своих граждан.

Советские историки оказались непосредственными участниками идеологических процессов. С одной стороны, они были вовлечены в саму систему формирования нового политико-идеологического конструкта (в некоторой степени обслуживавая и поддерживавая его), а с другой стороны, они оказались в числе пострадавших от репрессивных действий государства.

В современной зарубежной и российской историографии сформировался достаточный массив работ, посвященных как в целом этому периоду, так и специальным вопросам идеологической обстановки и репрессивной политики в стране. По поводу общих вопросов государственно-идеологической политики в отношении исторической науки, образования и самих историков в масштабах всей страны написано большое количество научных и публицистических работ, в том числе и диссертационных исследований, а в последнее время стали появляться, хотя и в небольшом количестве, работы, посвященные региональным и локальным сюжетам [1-7]. Исходя из анализа историографии данного вопроса, научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении двух взаимосвязанных процессов и явлений – идеологического влияния государства и репрессивной политики в отношении историков на материалах сибирского региона.

Материалы и методы. При работе над исследованием были использованы партийные и правительственные программные и директивные документы, общегосударственные, региональные и местные нормативно-правовые акты, относящиеся к вопросам идеологии и организации высшего образования и науки. Важной составляющей источниковой базы стали локальные архивные документы сибирских регионов – отчеты о работе и протоколы заседаний партийных организаций вузов, научных учреждений и их структурных подразделений, а также органов власти на местах (городских и региональных).

Методологической основой является историко-институциональный подход к предмету исследования. Принципиальной методологической новизной работы является синтез двух

исследовательских стратегий: теории модернизации и концепции «центр-периферийных отношений».

Обсуждение. Череда губительных реформ и неудачных экспериментов в сфере исторического образования и науки (как и в других гуманитарных отраслях знания), самым негативным образом сказались на положении истории и историков в первое советское десятилетие. В 1920-е гг. в вузах страны (тем более, в Сибири) практически не существовало специальных структур для подготовки историков, преподавание исторических дисциплин (и в вузах и в школах) сводилось лишь к обществуведению (история была лишь вспомогательным знанием, которое обслуживало социологические, политэкономические и иные марксистские конструкты), а традиционные исторические исследования перестраивались под историко-партийную и революционную тематику, или, в лучшем случае, ориентировались на этнографические и краеведческие исследования – т.н. «Золотое десятилетие» краеведения Сибири [Напр. см.: 8. Л. 1].

По мере изменения внутривластной ситуации в стране и в мире, советское правительство, в первую очередь, сам И.В. Сталин, начали уделять больше внимания качеству исторического образования в средних учебных заведениях СССР, что неизбежно влекло за собой и задачу по решению вопроса с качеством подготовки самих историков в вузах.

История в ее традиционных, общегосударственных рамках, теперь как нельзя лучше позволяла внедрить установку на восстановление государственной преемственности (между Российской империей и СССР), все более утверждавшуюся в мировоззрении руководства и постепенно в идеологии правящей партии в кон. 1920-х – перв. пол. 1930-х гг. Необходимо было придать ей только идеологическую марксистскую направленность. Преподавателей истории провозглашали «бойцами идеологического фронта» [9. С. 274]. Историческое образование на всех уровнях должно было решать проблему патриотического воспитания молодежи в условиях надвигающейся угрозы глобальной мировой войны, поскольку страна уже перешла от лозунгов о торжестве мировой революции и интернационализма к идее построения социализма в отдельно взятой стране (национально-ориентированная и государственническая функция исторического знания). Патриотизм к началу войны стал пониматься как «чувство постоянной мобилизационной готовности, чувства безграничной, активной любви к своей Родине» [10].

Помимо прямого воздействия на кадры самих историков через специфическое историческое образование, партийно-государственная идеологическая политика была ориентирована и на других специалистов, которых готовила советская высшая школа. Из историков частично формировался состав кафедр общественно-политических наук (кафедры марксизма-ленинизма, исторического и диалектического материализма, политэкономии и проч.), которые были основой политико-воспитательной и идеологической работы в вузах и иных учебных заведениях, формировавшие идейный облик советских специалистов, лояльных к власти.

Начало систематическому процессу подготовки историков в стране в целом и в Сибири, в частности, было положено в перв. пол. 1930-х гг., когда в массовом порядке стали открываться педагогические и учительские институты (во всех административно-территориальных центрах и крупных городах) с историческими факультетами или отделениями [См.: 11]. Особый импульс процесс развития исторического образования получил после выхода Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» [12], способствовавшее развитию сети старых и открытию новых исторических структур в вузах Сибири.

Архивные материалы позволяют сделать нам важное наблюдение в отношении специфики формирования студенческого контингента историков в этот период. Поступали на исторические отделения и факультеты не только учителя (без высшего образования), или те, кто хотел бы работать в будущем по профессии, но в вузах (особенно по заочной и вечерней формам) стали обучаться советские и партийные работники, государственные служащие, которым не хватало высшего образования с гуманитарным или педагогическим уклоном для дальнейшего карьерного роста. Получить высшее образование в других вузах, или по другим специальностям (по медицинским, инженерным, техническим или естественнонаучным направлениям), в силу слабой школьной подготовки, для них не представлялось возможным, а система высшего партийного образования в эти годы пока не была в достаточной мере развита на территории Сибири. Таким образом, обучение на исторических факультетах и отделениях, как наиболее приближенных к партийно-идеологической сфере, представляло собой доступный способ для партийных и советских работников и чиновников получить профильное высшее образование.

Историки в 1930-е гг. (как студенты, так и преподаватели) были вовлечены в активную общественно-политическую жизнь. Обладая специальными знаниями, позволявшими им свободно ориентироваться в вопросах не только прошлого, но и современной внешней и внутренней политики, они привлекались партийно-государственными учреждениями в качестве агитаторов от горкомов и обкомов ВКП(б) для работы среди населения, на предприятиях и в организациях, на избирательные участки, работая с избирателями на выборах в органы власти разных уровней [13. Л. 24; 14. Л. 37].

Эти годы были окрашены чередой политических процессов, идеологических кампаний, масштабным интеллектуальным и профессиональным прессингом и политическими репрессиями. Не миновала эта участь и историков, поскольку именно они, в силу своей профессиональной

специфики, как никакие иные представители научно-образовательной корпорации находились в самой гуще идеологических событий.

Помимо вовлеченности историков в общероссийские политические процессы и кампании, в которых они должны были выступать «против оппортунистических оппозиций троцкистов, зиновьевцев, против правых капитулянтов» [15. Л. 6] и проявлять бдительность в «борьбе с троцкистско-бухаринскими вредителями и шпионами» [16. Л. 17], они вынуждены были принимать активное участие и в процессах, напрямую касающихся организации учебного процесса и подготовки историков, а также организации и проведения исторических исследований. Эти процессы непосредственно влияли на содержание учебных курсов, тематику научных работ и т.п. Речь идет об унификации исторического знания путем составления с 1934 г. единых учебников по общим стандартам (например, директивные документы И.В. Сталина, С.М. Кирова, А.А. Жданова «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» и «Замечания о конспекте учебника новой истории»), о кампании, направленной против акад. М.Н. Покровского, его школы и его последователей, а в завершении – внедрение в профессиональную сферу историков положений «Краткого курса истории ВКП(б)» (1938 г.).

В перв. пол. 1930-х гг. школа акад. М.Н. Покровского задавала тон для историков всей страны. Но уже с сер. 1930-х гг. в стране развернулась кампания, направленная против него. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 26 января 1936 г. «О задачах на фронте исторической науки» [17] подвергло критике не только его самого, но и его научную школу, концепции и учеников.

Сибирские историки на местах должны были немедленно и положительно реагировать на все происходившие в центре события. Архивные документы реконструируют перед нами общую схему и традицию, сложившуюся в 1930-х – нач. 1940-х гг. в среде историков, по которой они совершали привычный набор действий в таких случаях. Например, против М.Н. Покровского – на общих собраниях изучались материалы правительственных и партийных документов, по итогам этого изучения поддерживались действия партии и правительства в отношении самого академика и его школы, осуждались проявления на местах этих «извращений» в среде некоторых представителей исторической науки, а также делались заявления о решительных действиях каждого преподавателя истории и других общественных наук по пересмотру и исправлению учебных курсов, учебников и учебных пособий, методики преподавания и прочих методологических вопросах.

Логическим продолжением политики в отношении исторического образования и науки, в связи с идеологическими процессами, стала публикация статьи И.В. Сталина «Об учебнике истории ВКП(б): Письмо составителям учебника истории ВКП(б)» (1937 г.) и выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» (1938 г.). В среде провинциальных историков, партийного руководства вузов и сибирских городов, последовала незамедлительная реакция и на эти программные документы. Во всех вузах состоялось их обсуждение, был взят курс на пересмотр учебного процесса в ходе подготовки историков, а также намечены мероприятия по проработке и внедрению этих установлений в студенческой и преподавательской среде.

Заключение. Как видно на примере отдельно взятого российского макро-региона, созданная в довоенное десятилетие сеть педагогических и учительских институтов с историческими отделениями, восстановленные в университетах исторические факультеты и их активная общественно-политическая и идеологическая работа среди населения, сумела дать регионам Азиатской части СССР несколько сотен новых советских историков. Они смогли прийти не только в школы и в вузы, чтобы с новых государственно-патриотических позиций преподавать историю советской молодежи, но и занять особые позиции в государственных, советских и хозяйственных органах. Страна получила за эти годы мощную идеологическую институцию, которая, помимо обслуживания государственно-политических интересов, в последующем сыграла и значительную созидательную функцию. Именно этой молодежи, обучавшейся в сибирских вузах и школах, предстояло на фронтах Великой Отечественной войны проявить свой гражданский и патриотический дух, который, по большей части, создался именно на основе исторического знания.

Благодарности. Статья выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ / Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

Примечания:

1. Напр. см.: Гречухин П.Б. Власть и формирование исторического сознания советского общества в 1934-1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саратов, 1997. 202 с.
2. Соловей Т.Д. Историческая эволюция государственной политики в отношении гуманитарных наук в России (XIX – нач. XXI вв.): Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02, 07.00.09. М., 2005. 359 с.
3. Каширин С.В. Марксистская историческая наука в условиях внутрипартийной борьбы с правой оппозицией (1928-1934 гг.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва, 2004. 184 с.
4. Аминова Е.Д. Политическая идеология в системе отечественного исторического образования: 20-30-е годы XX века: Дис. ... канд. ист. наук: 23.00.01. Казань, 2009. 204 с.
5. Гордина Е.Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. 2010. № 3. С. 9-13.
6. Камерова Н.В. Реализация партийно-государственной политики по отношению к исторической науке в Сибири в 1917-1938 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Кемерово, 2010. 275 с. и др.

7. Pshenichnaya V.E., Natolochnaya O.V. Sochi in 1930s: official ideology and implementation realities // European Researcher. 2011. № 4 (6), pp. 366-368.
8. Государственный архив Иркутской обл. (ГАИО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 242.
9. Гордон А.В. Восстановление исторического образования (1934–2004) // Философский век: альманах. – СПб., 2005. – Вып. 29. – С. 271–278.
10. Правда. 1941. 2 февраля.
11. Постановление ЦИК СССР № 43, СНК СССР № 308 от 14.08.1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении» // СЗ СССР. 1930. № 39. Ст. 420.
12. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1934. № 113.
13. Исторический архив Омской обл. (ИАОО). Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 12.
14. Гос. архив новейшей истории Иркутской обл. Ф. 143. Оп. 1. Д. 42.
15. ИАОО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 6.
16. Гос. архив Новосибирской обл. (ГАНО). Ф. П-497. Оп. 1. Д. 3.
17. Известия. 1936 г. 27 января.

References:

1. Napr. sm.: Grechukhin P.B. Vlast' i formirovanie istoricheskogo soznaniya sovetskogo obshchestva v 1934-1941 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Saratov, 1997. 202 s.
2. Solovei T.D. Istoricheskaya evolyutsiya gosudarstvennoi politiki v otnoshenii gumanitarnykh nauk v Rossii (XIX – nach. XXI vv.): Dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02, 07.00.09. M., 2005. 359 s.
3. Kashirin S.V. Marksistskaya istoricheskaya nauka v usloviyakh vnutripartiinoi bor'by s pravoi oppozitsiei (1928-1934 gg.): Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Moskva, 2004. 184 s.
4. Aminova E.D. Politicheskaya ideologiya v sisteme otechestvennogo istoricheskogo obrazovaniya: 20-30-e gody XX veka: Dis. ... kand. ist. nauk: 23.00.01. Kazan', 2009. 204 s.
5. Gordina E.D. Istoriya kak instrument patrioticheskogo vospitaniya v SSSR nakanune i v nachale Velikoi Otechestvennoi voiny // Prepodavanie istorii v shkole. 2010. № 3. S. 9-13.
6. Kamerova N.V. Realizatsiya partiino-gosudarstvennoi politiki po otnosheniyu k istoricheskoi nauke v Sibiri v 1917-1938 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Kemerovo, 2010. 275 s. i dr.
7. Pshenichnaya V.E., Natolochnaya O.V. Sochi in 1930s: official ideology and implementation realities // European Researcher. 2011. № 4 (6), pp. 366-368.
8. Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi obl. (GAIO). F. R-71. Op. 1. D. 242.
9. Gordon A.V. Vosstanovlenie istoricheskogo obrazovaniya (1934–2004) // Filosofskii vek: al'manakh. – SPb., 2005. – Вып. 29. – С. 271–278.
10. Правда. 1941. 2 fevralya.
11. Postanovlenie TsIK SSSR № 43, SNK SSSR № 308 ot 14.08.1930 g. «O vseobshchem obyazatel'nom nachal'nom obuchenii» // SZ SSSR. 1930. № 39. St. 420.
12. Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK. 1934. № 113.
13. Istoricheskii arkhiv Omskoi obl. (IAOO). F. R-1027. Op. 1. D. 12.
14. Gos. arkhiv noveishei istorii Irkutskoi obl. F. 143. Op. 1. D. 42.
15. IAOO. F. R-1027. Op. 1. D. 6.
16. Gos. arkhiv Novosibirskoi obl. (GANO). F. P-497. Op. 1. D. 3.
17. Izvestiya. 1936 g. 27 yanvarya.

УДК 94:378(571)"1930/1941"

**История и историки в советской политико-идеологической структуре
1930 – начале 1940-х гг. (на примере сибирского региона)**

Дмитрий Викторович Хаминов

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36
Кандидат исторических наук
E-mail: khaminov@mail.ru

Аннотация. В представленной работе рассмотрен вопрос о месте и роли исторического знания и историков как особой профессиональной корпорации (преподаватели вузов, ученые и студенты исторических факультетов) в политико-идеологической структуре советского государства 1930-х – нач. 1940-х гг. В статье реконструирована партийная и правительственная политика в отношении историков на примере уникального сибирского макро-региона. Автор предпринял попытку на основе партийно-государственных документов и архивных материалах, часть из которых впервые вводится в научный оборот, дать взвешенную оценку этим процессам в условиях одного из самых трагических и противоречивых периодов в истории российского государства.

Ключевые слова: история; историк; идеология; политика; научные исследования; университет; институт; Сибирь.